

хвойные деревья. На Аркатские горы я взбирался верхом, а на самые высокие скалы—пешком, цепляясь за кустарники. Высота их, определённая гипсометрически, не превосходила 800 метров. Горы на левой стороне Копальской дороги (на юго-восток от пикета) имели совершенно другое сложение. Вершины их я нашёл состоящими из талькового сланца, приподнятыми на северо-восточной стороне фиолетовым порфиром. У подножья этих гор было солёное озеро, высыхающее летом; на грязном краю его росли наяды (*Potamogeton perfoliatus*) и некоторые солянки (например, *Statice caspia* и *St. suffruticosa*), а рыбы в нём не было. Зато верстах в тридцати к востоку от Арката находилось озеро, богатое рыбой и потому получившее название Балык-куль.

Гранитные Аркатские и Буркатские горы со своими резкими профилями составляли исключение на моем пути в Семиреченский край. На следующих пяти перегонах до города Аягуза (118 вёрст) горы имели куполовидные формы и округлые очертания, характеризующие порфировые поднятия. Такие куполовидные горы в особенности заметны были между Усунбулакским и Ингрекеевским пикетами. Тут весь перегон шёл через холмистую местность. Горы эти носили название Ингрекея и были подняты зелёными порфирами (диабазами). За Ингрекеевским пикетом к Алтынкалатскому степь становится ровнее. Верстах в шести за Алтынкалатским пикетом наша дорога перешла через русло высохшей реки, которую казаки называли Горькою. Эта безводная река — первая встреченная мной на 220-вёрстном расстоянии от Иртыша — и была Ащи-су, или Чаганка, левый приток Иртыша. Верховья Ащи-су находятся в хребте Чингистау, зубчатый гребень которого синееется вдали от Алтынкалатского пикета. Последний перегон от Алтын-калата до Аягуза (30 вёрст) я сделал поздним вечером 7 августа, так как солнце уже закатилось, когда я выехал из Алтын-калата. Вечерняя заря исчезла; ночь была тёплая и великолепная: звёзды блистали очень отчётливо на безоблачном горизонте, но тихим и ровным, как бы сухим блеском, а не мерцаая разноцветными огнями, как на безоблачном же небосклоне Италии. Оттого они казались очень маленькими.

На востоке, вслед за лёгким заревом, поднималась луна. Она казалась такой малой на горизонте, как бы была в зените, диск её был резко очерчен, свет её был ярк: всё это обличало необыкновенную сухость воздуха; росы не было и следа.

Я приехал в Аягуз уже после десяти часов вечера, проехав таким образом, двести семьдесят вёрст по типичной Киргизской степи.

Переезд этот в значительной степени расширил мои понятия о том, что русский народ подводит под термин *степи*.

Рождённый в соседстве с чернозёмными русскими придонскими и приволжскими степями, на той окраине чернозёмной России, для которой русская научная терминология придумала название *лесостепи*, я привык разуметь под именем степи обширные безлесные равнины, покрытые чернозёмом и поросшие исключительно травянистой растительностью.